

УДК 802.0

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.В. ГЕТЕ И Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО

© 2013 г.

И.Б. Казакова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

kib_sam@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Статья посвящена анализу стихотворений И.В. Гете «Метаморфоза растений» и «Метаморфоза животных» и поэмы Н.А. Заболоцкого «Птицы» с точки зрения их принадлежности к традициям дидактической поэзии.

Ключевые слова: И.В. Гете, Н.А. Заболоцкий, «Метаморфоза растений», «Метаморфоза животных», дидактическая поэзия, картина мира.

Современная гуманитарная наука сделала немало для разработки концепции образа, или картины, мира и для изучения картины мира различных культурных эпох. Однако эта тема настолько широка и разнообразна, что по-прежнему остается не исчерпанной до конца. Представляется, в частности, что не всегда находят себе объяснение такие явления в той или иной культуре, которые идут вразрез с ее магистральными путями. Это можно отнести, например, к дидактической поэзии, занимавшей заметное место в литературе античности и средних веков, постепенно терявшей свое значение на протяжении всего Нового времени, но так и не исчезнувшей полностью даже в современную эпоху крайне узкой специализации.

Ответить на вопрос, в чем заключается смысл необычайной живучести дидактической поэзии, почему и в XVIII, и в XIX веках, и в современной литературе эта архаическая традиция продолжает находить своих поклонников, могут помочь соображения, высказанные С.С. Аверинцевым по поводу исследования проблемы возникновения европейского рационализма. По его мнению, здесь имеется очень большой пробел: «Предполагаю, что реально не описан тот тип сознания, который характерен для огромной последовательности эпох, эпох необычайно продуктивных в условиях европейской культуры, – зрелая античность, средневековье, Ренессанс и в большой степени Барокко» [1, с. 337]. Все это время предстает в глазах современного человека как «некоторый промежуточный отрезок на пути от мифа к нашей науке или как смешение материала по существу мифологического с материалом по существу научным» [1, с. 337], однако именно на этом отрезке

европейской истории в культуре имелось то, чего, по мнению С.С. Аверинцева, нет ни в мифологическом сознании, ни в современной науке, – образ мира, цельный и пластичный, доступный интеллектуальному и чувственному воображению, то есть вполне подходящий для того, чтобы быть изображенным средствами поэзии. Миф не дает завершенного образа мира, поскольку не обладает системностью, а современная наука лишает образ мира наглядности и всеобщей доступности: «Прогресс новоевропейской научности мог начаться только тогда, когда было отброшено, разрушено, преодолено (все эти глаголы – синонимы) античное, аристотелевское требование некоторой наглядной убедительности: требование, которое еще пытался в своем безнадежном споре с ньютоновской оптикой отстаивать Гете. Требование, чтобы картина мира была бы чувственно наглядна, поэтически убедительна...» [1, с. 339].

Тип рациональности, существовавший в промежутке между мифом и современной наукой, характеризовался, по словам С.С. Аверинцева, ориентацией на дедуктивное мышление, на общее, а не частное. «Для этой системы мышления совершенно необходимо утверждение примата покоя над движением, примата сущности над становлением, примата общего по отношению к частному, примата в любом случае гносеологического, но также на каждом шагу аксиологического и онтологического (платоновская идея)» [1, с. 340]. Литература, которая соответствует такому типу рациональности, – это литература, в которой общее вдохновляло писателей больше, чем конкретное, и потому «образ мира, популяризация космологических представлений были великой темой для поэзии» [1, с. 337].

Итак, с точки зрения С.С. Аверинцева, наличие дидактической поэзии – это признак существования в культуре цельного и зримого образа мира, состоящего из взаимосвязанных явлений и процессов. Наиболее ценные образцы этой поэзии, то есть такие, в которых не только содержится обширная систематизированная информация, но и достигается художественная целостность всех элементов, можно найти в античности. В поэмах Гесиода, Парменида, Эмпедокла, Лукреция предметом изображения становится все мироздание в целом или порождающие его принципы. В античной литературе появляются также дидактические поэмы с более узкой тематикой, весьма разнообразной, – от поэтического искусства, восплаемого Горацием, до ядов («О животных ядах» Никандра, IV–III вв. до н.э.) и рыбной ловли («Голиевтика» Оппиана, II в. н.э.). Постепенно популярность подобной поэзии сокращается, и уже средневековая литература не может похвастаться значительными в художественном отношении дидактическими поэтическими текстами. С наступлением Нового времени, ознаменованного быстрым ростом дифференциации знаний, в теперь уже редких произведениях дидактической поэзии разрабатываются по преимуществу специальные темы, далекие от всеохватности великих дидактических поэм античности. Пожалуй, наибольшую широту взгляда демонстрирует в эту эпоху Александр Поп, который в «Опыте о человеке» (1734) рассматривает человеческое существование как встроенное в мироздание, в общество, в систему этических ценностей.

Другой пример дидактической поэзии Нового времени можно найти в творчестве И.В. Гете, который в двух стихотворных опытах – «Метаморфозе растений» (1789) и «Метаморфозе животных» (1806) – изложил свои естественнонаучные воззрения. Первое из этих стихотворений должно, по замыслу автора, поэтически выражать суть учения о метаморфозах в растительном мире, а именно идею о том, что части растений образуются путем видоизменений одного-единственного органа, во втором стихотворении – мысль об изменчивости (в пределах одного типа) форм тела животных под влиянием внешних факторов.

По мнению поэта, этими вопросами должна заниматься морфология – дисциплина, которая возникает на стыке научного и художественного познания мира. Гете пишет: «Когда мы рассматриваем предметы природы, особенно живые, таким образом, чтобы уразуметь взаимосвязь их сущности и деятельности, то нам кажется, что мы лучше всего достигнем такого

познания путем разъединения частей; и действительно, этот путь может вести нас очень далеко. Что внесли химия и анатомия для понимания и обозрения природы – об этом друзьям науки достаточно напомнить лишь немногими словами.

Однако эти разделяющие усилия, продолжаемые все дальше и дальше, имеют и свои недостатки. Живое, правда, разложено на элементы, но вновь составить его из таковых и оживить оказывается невозможным. Это относится даже ко многим неорганическим телам, не говоря уже об органических. Вот почему у людей науки во все времена обнаруживалось влечение познавать живые образования как таковые, схватывать внешние видимые, осязаемые части в их взаимосвязи, воспринимать их как проявления внутренней природы и таким образом путем созерцания овладевать целым. В какой мере эта научная потребность находится в близкой связи с художественным и раздражительным влечением, нет, конечно, надобности излагать здесь подробно.

В процессе развития искусства, знания и науки можно поэтому найти много попыток основать и разработать учение, которое мы склонны назвать морфологией» [2, с. 11].

Именно зримость предметной области этой науки поэт считает ее главным преимуществом в вопросах изучения природы по сравнению с физикой и химией. *Метаморфоз* можно увидеть своими глазами:

*С виду прост еще появленья первого облик, –
Так означает себя между растений дитя.
Вскоре затем пробившись, дальнейший побег
обновляет,
Узел к узлу выводя, образ, возникший сперва.
Все ж он неодинаков: рождается, разнообразно
Скроен – видишь ли ты, каждый дальнейший
листок...*

[3, с. 458–459]

Особого рода наглядностью, полагает поэт, обладают даже разработанные им идеальные типы – прообразы, или идеи, содержащие в себе все постоянные черты высших цветковых растений (перворастение, по терминологии Гете) или высших позвоночных животных (первоживотное). О последнем, например, поэт пишет: «Я... почувствовал необходимость установить такой тип, с помощью которого все млекопитающие могли бы быть испытаны по сходству и различию; и как прежде я нашел перворастение, так теперь я старался найти первоживотное, что в конце концов ведь не что иное, как понятие, идея животного» [2, с. 18].

В «Метаморфозе животных» Гете так говорит о проступании прототипа в индивидуальном организме:

*Каждый член его тела по вечному создан закону,
Даже редчайшая форма втайне повторит прообраз.*

*И, духом вникая пытливым,
Ключ ищи и поймешь, как живые слагаются формы.*

[4, с. 461]

В «Метаморфозе растений» эта же мысль выражается следующим образом:

*Образы все – и подобны, и каждый от прочего все же
Разнится: в их кругу тайный заложен закон,
Скрыта загадка святая.*

[3, с. 459]

Зримость идей – это принципиально важная для Гете особенность его мирозерцания, о чем он сам недвусмысленно рассказывает, например, в заметке «Счастлирое событие», посвященной описанию его знакомства с Ф. Шиллером. Гете изложил ему свое учение о метаморфозе растений и даже попытался нарисовать перворастение, на что Шиллер возразил: «Это не опыт, это идея» [2, с. 97], – подразумеваемая невозможность визуального воплощения идей. Гете ответил: «Мне может быть только приятно, что я имею идеи, не зная этого, и даже вижу их глазами» [2, с. 98]. В этом вопросе автор «Метаморфозы растений» оказывается продолжателем античной – платоновской – традиции, в которой идея – это то, что можно увидеть, это зримая сущность вещи.

И в «Метаморфозе растений», и в «Метаморфозе животных» Гете описывает природу как живое, действующее единство: «*Она расточает, богиня, / Щедро жизни дары*» [4, с. 460]. (Подобное изображение природы в дидактической поэзии восходит, в первую очередь, к Лукрецию («О природе вещей» – I, 248-264). Но действует природа только в рамках того или иного типа, руководствуясь требованиями ограниченности, определенности и всеобщности:

*Так, ни единый зверь, когда его верхняя челюсть
Полным набором зубов снабжена, рогов уж не носит;
И сотворить рогатого льва – это Матери вечной
Не удалось бы никак при всей ее силе и власти:
Нет у нее запасов таких, чтоб и зубы на челюсть
В полном числе насадить, и лоб украсить рогами.
Эти понятия освой: предел для власти; законность –*

*И произвол; свобода – и мера; порядок – но гибкий;
На перебор – недочет...*

[4, с. 461]

В растительном мире действие природы описывается так:

*Пухнут врозь теперь ростки, несметные счетом,
Бережно в чреве сокрыв плод набухающий свой.
Здесь замыкает природа кольцо из сил вековечных,
Но приобциться спешит новое тотчас к нему,
Так что крепкая цепь до скончания века продлится,
В целом все оживит так же, как всякую часть*

[3, с. 459]

Высший смысл или цель этой природы не следует искать за ее пределами. Гете включает в обсуждение проблемы цели и целесообразности, актуальной для научной и философской мысли Нового времени, с полным убеждением, что цель всякой жизни очевидна, наглядна и заключается просто в воспроизведении этой жизни:

*Каждый зверь – самоцель. Совершенным
из чрева Природы
Вышел он, и дитя породит, как сам, совершенным.*

[4, с. 460]

Гетевские стихи о метаморфозах – это поэтически оформленная картина мира, картина одушевленной природы, не имеющей таких тайн, которые нельзя было бы раскрыть путем созерцания (физического или интеллектуального). Именно поэтому таким органичным оказалось для Гете обращение к древним традициям дидактической поэзии. В этих стихах проявилась цельность его мировосприятия, в котором созерцание природы могло с легкостью приобретать и художественную, и теоретическую направленность.

Гетевский опыт обращения к дидактической поэзии – явление редкое уже для его эпохи. Однако эта традиция находила продолжателей и позднее. Один из них – Н.А. Заболоцкий, преданный поклонник Гесиода, Лукреция и Гете. Н. Заболоцкого восхищали сочинения Гёте о метаморфозах [5, с. 112]. Близость античному мировосприятию, отмечаемая исследователями его творчества [6, с. 182], побудила русского поэта обратиться к античным сюжетам и формам. Самым заметным примером дидактической поэзии, выдержанной в античных традициях, в творчестве Заболоцкого является поэма «Птицы» (1933).

Содержание поэмы неоднородно: здесь имеется собственно дидактическая сторона – описание урока анатомии голубя, на который в качестве зрителей слетается множество птиц, желающих узнать строение своего организма; кроме того, в поэме присутствует и сильное лирическое начало – печаль человека, который предчувствует приближение заката жизни, и, наконец, здесь можно найти излюбленные натурфилософские идеи поэта о единстве и разумном строении природы, о вечном перерождении живых форм:

*Если бы воля моя уподобилась воле Природы,
если бы слово мое уподобилось вещему слову,
если бы все, что я вижу, – животные, птицы, деревья,
камни, реки, озера – вполне однородным составом
чудного тела мне представлялись – тогда, без сомнения,
был бы я лучший творец, и разум бы мой не метался,
шествуя верным путем. Даже в потемках науки
что-то мне и сейчас говорит о могучем составе
мира, где все перемены направлены мудро
только к тому, чтобы старые, дряхлые формы
в новые отлиты были, лучшего вида сосуды.*

[7, с. 291]

Уже по этому фрагменту видно, насколько в действительности взгляды Заболоцкого далеки от воззрений его любимого Гете: там, где у немецкого поэта – спокойная уверенность в способности науки (пусть и специфически понимаемой) познать сущность природы, у автора «Птиц» – сомнения в возможностях аналитического разума; где у первого – утверждение совершенства природы, у второго – признание ее дисгармонии.

Последний момент особенно акцентируется в «Птицах». С одной стороны, Заболоцкий не может не признавать целесообразность строения природных организмов:

*Видишь – прозрачные пленки,
как пузырь, раздуваются. Ну-ка, пичужки, скажите –
как на полете вы дышите? Воздух откуда берете?
Если бы не было в вас этих воздушных мешочков,
разве бы вы наверху не задохнулись от ветра?*

[7, с. 290]

Но в чем же цель существования этих столь прекрасно устроенных форм жизни? Для Гете здесь вообще не было проблемы, но Заболоцкий помимо красоты и гармонии в природе видит в ней бесконечную жестокость. Живые существа поедают друг друга:

*Сядем, птицы, за стол. Ужинать будем. Останки
голубя кушайте, вороны! То, что сверху ворковало*

*пусть вам на пользу послужит. Вы, перепелки, овсянки,
клюйте крупу – вот она. Прочие птицы,
вот вам лукошко червей и гусениц полная миска.*

*Славные это создания! Клюйте их, рвите, крошите!
Нам же неси, ученик, жирное мясо коровы.*

[7, с. 291]

Наука в ее современном состоянии способна только усугубить эту ситуацию, поскольку для проникновения в тайны жизни она вынуждена эту жизнь уничтожать – голубь в поэме приносится в жертву науке. Из контекста всей натурфилософской поэзии Заболоцкого явствует, что поэт видел выход из этой ситуации в совместном прогрессе природы и человечества, осуществляемом при участии усовершенствованной науки, однако в «Птицах» этот оптимизм почти не ощущается (единственный намек на благоприятный исход для природы – приведенные выше смутные догадки лирического героя о ее более высоком предназначении). Возможно, что общий пессимистический настрой поэмы – это следствие ориентации не столько на Гете, сколько на Лукреция, живописавшего природу как мир, где творящая сила жизни везде и всегда одолевается всепобеждающей смертью.

Несмотря на различия в картине мира, возникающей в дидактической поэзии Гете и Заболоцкого, здесь можно найти и общее – целостное восприятие природы, наглядность происходящих в ней процессов, признание царящих повсюду общих принципов. Это та самая существовавшая со времен античности до Нового времени картина мира, которая, по мнению С.С. Аверинцева, соединяет в себе мифологические и научные черты, делает мир одновременно образно представимым и систематизированным. Интересно, что для создания такой картины мира оба поэта обратились к теме анатомии. На особое положение анатомического знания в науке современного типа указывает М. Фуко в работе «Слова и вещи». По его мнению, в эписистеме, господствовавшей в науке до конца XVI века, главную роль играла категория сходства, которая проявлялась в виде нескольких вариантов, в том числе в виде понятия аналогии (неполного сходства) [8, с. 54–59]. С помощью аналогий можно сблизить все, существующее в мире, и это было большим преимуществом такого познания для людей, воспринимавших мир в его единстве. В дальнейшем метод аналогий был отброшен наукой, которая пошла по пути поиска тождеств и различий, но, как замечает М. Фуко, осталась одна область, где метод аналогий сохранил свою актуальность, – область

сравнительной анатомии. Философ пишет: «...Сетка, сквозь которую в наше знание проникают фигуры сходства, совпадает в этом пункте (и почти только в этом одном пункте) с той, в которой располагало вещи знание XVI века» [8, с. 59]. Таким образом, анатомия оказалась почти единственной лазейкой для поэтов-мыслителей, стремившихся создать поэтически убедительные, выдержанные в духе многовековой традиции и, в то же время, не архаичные с точки зрения современной им науки дидактические тексты.

В литературе Нового времени и современности дидактическая поэзия – редкое явление и может восприниматься как эксперимент или игра с давно ушедшими темами и формами. Однако представляется, что удачные в художественном отношении образцы такой дидактической поэзии свидетельствуют о поисках современной культурой синтетических подходов к миропониманию, к созданию новой картины мира взамен утраченной более трех столетий тому назад.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 332–342.
2. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию / Пер. и ком. И.И. Канаева. Л.: Изд-во Академии наук СССР. 553 с.
3. Гете И.В. Метаморфоза растений. Пер. Д. Бродского // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975. С. 458–460.
4. Гете И.В. Метаморфоза животных. Пер. Н. Вольпин // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975. С. 460–462.
5. Воспоминания о Н. Заболоцком: Сборник. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1984. 464 с.
6. Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л.: Советский писатель, 1987. 368.
7. Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 944 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.

ANCIENT TRADITION OF DIDACTIC POETRY IN THE WORKS I.V. GOETHE AND N.A. ZABOLOTSKY

I.B. Kazakova

The article is devoted to analyze the poems of J.W. Goethe «The Metamorphosis of Plants» and «The Metamorphosis of Animals» and the poem of N.A. Zabolotsky «Birds» from the point of view of their attachment to traditions of didactic poetry.

Keywords: J.W. Goethe, N.A. Zabolotsky, «The Metamorphosis of Plants», «The Metamorphosis of Animals», didactic poetry, picture of world.